

Осип Манделштам в статье «Скрябин и христианство» писал: «...Смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено... Она служит как бы источником этого творчества, его телеологической причиной». В творчестве М.Ю. Лермонтова и С.А. Есенина мотив предсказания своей смерти – один из самых распространенных. Оба поэта рано и обостренно осознают свою избранность, которая ярче всего проявляется в способности предвидеть будущее. Особое влияние на Лермонтова оказал случай, который он описывал в своих «Автобиографических заметках»: «Еще сходство в жизни моей с лордом Байроном. Его матери в Шотландии предсказала старуха, что он будет великий человек... про меня на Кавказе предсказала то же самое старуха моей бабушке. Дай бог, чтобы и надо мной сбылось; хотя б я был так же несчастлив, как Байрон». Увлечение поэзией и личностью любимого поэта отразилось в стихотворении «Нет, я не Байрон, я другой...» (1832), которое содержит в себе мотив пророческого предсказания, связанного с осознанием необходимости поиска своего творческого пути.

Именно здесь Лермонтов предсказал свою раннюю гибель: «Я раньше начал, кончу ране». Как известно, Байрон умер в 37 лет, Лермонтов – в неполных 27.

В «Лермонтовской энциклопедии» среди центральных мотивов творчества поэта (свобода и воля, действие и подвиг, одиночество,

странничество, изгнанничество, Родина, память и забвение, обман, мщение, покой, земля и небо, сон, игра, путь, время и вечность, любовь) особо выделяются мотивы смерти и судьбы. Эти мотивы связаны между собой тесным образом, ибо «... в поэзии Лермонтова смерть предстает не как финал земного пути, естественный или избранный героем, а как провиденциальное ощущение гибели или близкой кончины». Именно это сближает с Лермонтовым Есенина.

В лирике двух поэтов можно выделить целый ряд сходных мотивов, тем или иным образом связанных с предсказанием смерти. Об этом Лермонтов начинают писать уже в ранний период творчества в стихотворениях «Ночь. I» (1829), «1831-го июня 11 дня» (1831), «Завещание» (1831), которые во многом предваряют мотивы его зрелых произведений, созданных незадолго до роковой дуэли с Мартыновым: «Я к вам пишу случайно; право» (1840), «Завещание» (1840), «Сон» (1841). Дар предвидения подсказывал Лермонтову и Есенину, что их жизни оборвутся трагическим образом в ранней молодости. Аналогичные лермонтовским мотивы мы можем найти у Есенина в стихотворениях «Исповедь самоубийцы» (1913–1915), «Наша вера не погасла...» (1915), «Устал я жить в родном краю...» (1916), «Слушай, поганое сердце...» (1916), «День ушел, убавилась черта...» (1916), «Я последний поэт деревни...» (1920), «Мир таинственный, мир мой древний...» (1921), «Да! теперь решено. Без возврата...» (1922), «Мне осталась одна забава...» (1923), «Вечер черные брови насопил...» (1923), «Мы теперь уходим понемногу...» (1924), «Песня» (1925), «Синий туман, снеговое раздолье...» (1925), «Цветы мне говорят – прощай...» (1925), «Снежная равнина, белая луна...» (1925), «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925).

Читая эти произведения, нельзя не отметить, что характер лирических героев Лермонтова и Есенина в них ярче всего раскрывается через мотив предсказания собственной смерти, которая воспринимается как творческий акт. Задумываться о смерти поэты начали еще в ранний период своего творчества, в пятнадцать лет. У Лермонтова в стихотворении «Ночь. I» этот мотив находит развитие в реализации метафоры Кальдерона «Жизнь есть сон»: «Я зрел во сне, что будто умер я». В условно романтических образах поэт рисует загробный мир с помощью характерных видений – прозрений. Ангел обращается к лирическому герою со словами: «Сын праха, ты грешил – и наказанье / Тебя должно постигнуть, как других; / Спустишь на землю, где твой труп / Зарыт; ступай и там живи, и жди, / Пока придет Спаситель». Мотив греха и наказания за него – один из главных у Лермонтова.

У Есенина трагизм мироощущения лирического героя был связан с предчувствием его крестного пути ещё в раннем стихотворении «Поэт» (1910–1912): «Он бледен. Мыслит страшный путь. / В его душе живут виденья. / Ударом жизни вбита грудь, / А щеки выпили сомненья». Здесь явно присутствует романтический принцип двоемирия, поэт противопоставляет обыденной реальности – мир возвышенной духовности. Характеризуя своего лирического героя как поэта-романтика, Есенин подчеркивает, насколько он далек во время творчества от житейской прозы, и как она настигает его, когда настанет время задуматься о хлебе насущном. Антитеза «душевный шум» и прозаический «целковый» – конкретно отражают этот смысловой контраст:

Он пишет песню грустных дум,
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум... душевный шум
Снесет он завтра за целковый.

В ранних стихах Есенин часто чувствует и мыслит по-лермонтовски. С особым трагизмом это выразилось в стихотворении «Исповедь самоубийцы» (1913–1915), в котором поэт предсказал трагический конец за десять лет до своего добровольного ухода из жизни. Нельзя не отметить того, что лирический герой у Есенина воспринимает жизнь в мрачном свете, что во многом объясняется характерным для романтического восприятия конфликтом поэта и окружающей его толпы:

Не смог я жить среди людей,
Холодный яд в душе моей.
И то, чем жил я и любил,
Я сам безумно отравил.

Можно предположить, что именно лирика Лермонтова с ее ярко выраженным максимализмом стала толчком для создания сходных по духу и настроению есенинских строк: «Безумный мир, кошмарный сон, / А жизнь есть песня похорон. / И вот я кончил жизнь мою / Последний гимн себе пою».

Образы, интонация, надрывный пафос, характерные для романтиков эпитеты «безумный», «кошмарный», оксюморон, полный сарказма «Жизнь есть песня похорон» – все эти художественные средства из арсенала романтической поэзии, к которому обращались и Лермонтов, и Есенин. Достаточно сравнить «Исповедь самоубийцы» и лермонтовское стихотворение «Одиночество» (1830), с его романтической лексикой: «Как страшно жизни сей окопы / Нам в одиночестве влачить... / Страданья в сердце стеснены... / И вижу, как, судьбе послушно, / Года уходят, будто сны... / И вижу гроб уединенный, / Он ждет; что ж медлить над землей?» С Лермонтовым Есенин сближает характерная для поэтов-романтиков поэтизация ранней смерти как своеобразной формы протеста против окружающей действительности. По есенинским письмам, написанным в годы юности, можно судить о том сильном влиянии, которое на него оказывало лермонтовское творчество. Неслучайно свое письмо М. Бальзамовой, датированное 1913 годом, он начинает с перефразированной строки Лермонтова: «Жизнь – это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно...» Ранние стихи Лермонтова и Есенина интересны тем, что в них определяются мотивы их зрелой в художественном отношении лирики. Одним из ключевых у них становится, как выше уже нами отмечалось, мотив предсказания своей смерти. У Лермонтова этот мотив тесным образом связан с осознанием собственной исключительности. Программным для его ранней лирики можно считать стихотворение «1831-го июня 11 дня», в котором наиболее полно и ярко проявилась способность Лермонтова предвидеть и осознавать приближение скорой гибели. «Я предузнал мой жребий, мой конец, / И грусти ранняя на мне печать; / И как я мучусь, знает лишь творец / Но равнодушный мир не должен знать. / И не забыт умру я. Смерть моя / Ужасна будет...» Сбылось и другое предвидение поэта: «Кровавая меня могила ждет, / Могила без молитв и без креста». Известно, что погибших на дуэли, как самоубийц,

запрещалось отпевать в церкви, и Лермонтов был похоронен в Пятигорске без отпевания.

Есть много черт, сближающих личности Лермонтова и Есенина. Поэты осознанно приносили свою жизнь в жертву творчеству, понимая, что ранняя смерть станет своеобразной расплатой за это. Подтверждением тому могут стать лермонтовские строки из выше названного стихотворения: «Известность, слава, что они? – а есть / У них над мною власть; и мне они / Велят себя на жертву всё принести, / И я влачу мучительные дни / Без цели, оклеветан, одинок; / Но верю им! – неведомый пророк / Мне обещал бессмертье...»

В стихотворении «Пушкину» (1924) Есенин, подобно Лермонтову, автору стихотворения «Смерть Поэта», соотносит свою судьбу с судьбой гения, сознавая, что за это придется заплатить ранней смертью, ибо такова общая участь русских поэтов:

А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья
Сподобленной такой судьбе...

Лермонтов в стихотворении «Пророк» (1841) ведет диалог с Пушкиным, продолжая тему, заявленную в одноименном его произведении: «Провозглашать я стал любви / И правды чистые ученья: / В меня все ближние мои / Бросали бешено камня».

Есенин в юности также задумывал драму «Пророк», о чем писал в 1912 году Грише Панфилову: «Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать “Пророка”, в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу... Буду следовать своему “Поэту”. Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига».

Есенинская проповедь гуманизма сродни христианским заповедям, с которыми выступал лермонтовский пророк. А причина гибели поэта в том, что он не смирился с несправедливостью, обострённо осознавая, что после Октября 1917 года «история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого». Именно поэтому «провиденциальное предчувствие смерти» у Лермонтова и у Есенина приобретает «общечеловеческое значение универсальной коллизии – Власть и Поэт». Лермонтов обращается к романтическим образам, предсказывая свою близкую гибель в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою...» (1837): «Я знал: удар судьбы меня не обойдет; / Я знал, что голова, любимая тобою, / С твоей груди на плаху перейдет». Свой трагический выбор Михаил Лермонтов сделал именно тогда, когда создал стихотворение «Смерть Поэта», в котором назвал истинных виновников гибели Пушкина: «Вы, жадною толпой стоящие у трона, / Свободы, Гения и Славы палачи!» Изображая сцену дуэли Пушкина с Дантесом, Лермонтов предсказал и причину своей смерти: «Погиб поэт! – невольник чести». Неслучайно образ тернового венца («И прежний сняв венок, – они венец терновый, / Увитый лаврами, надели на него» затем мы видим и на голове лирического героя Лермонтова в стихотворении «Не смейся над моей пророческой тоскою...»: «Я говорил тебе: ни счастья, ни славы / Мне в мире не найти; – наста-

нет час кровавый, / И я паду... / Пускай толпа растопчет мой венец:/ Венец певца, венец терновый».

Есенин в поэме «Кобыльи корабли» (1919) предпринимает попытку выразить свой протест против революционного насилия: «Веслами отрубленных рук / Вы гребетесь в страну грядущего», обращается поэт к большевикам. Поэт ясно осознает, что этим обрекает себя на скорую гибель, которую сам же и предсказывает: «Лейте с радуги крик вороной! / Скоро белое дерево сронит / Головы моей желтый лист». Мотив предсказания своей близкой смерти в имажинистский период творчества Есенина таким образом оказывается связан с противостоянием поэта новой власти, против которой он бунтовал, понимая, чем это ему угрожает. Неслучайно его лирический герой в стихотворении «Мир таинственный, мир мой древний» (1921) прямо заявляет: «Здравствуй ты, моя черная гибель, / Я навстречу тебе выхожу!» И в этом Есенин был близок Лермонтову, который сам стремился навстречу своей гибели.

Рассматривая развитие мотива предсказания смерти в лирике Лермонтова и Есенина, нельзя не отметить его эволюцию, связанную с темой Кавказа. В стихотворении «Я к вам пишу, случайно; право...» (1840) Лермонтов воспринимает свой уход из жизни уже в ином, философском осмыслении. Рискуя жизнью во время боевых действий, поэт начинает относиться к смерти как фаталист: «Я жизнь постиг; / Судьбе, как турок иль татарин, / За все я ровно благодарен... / Быть может, небеса востока / Меня с ученьем их пророка / Невольно сблизили». Трагическое предчувствие смерти сменяется фаталистическим убеждением, что от своей судьбы не уйдешь и ее нужно мужественно и стойко принимать. В соответствии с новым осмыслением неотвратимости близкой гибели в стихотворении «Завещание» (1840) Лермонтов пишет о своем уходе из жизни уже по-другому. На смену условным и исполненным трагизма романтическим переживаниям приходят раздумья, которые отражают эволюцию лермонтовского отношения к смерти. Рассказывая о судьбе смертельно раненного русского офицера, Лермонтов с поразительной глубиной и достоверностью выражает чувства простого человека, а не исключительного романтического героя. Не могут не тронуть такие его слова, обращенные к другу: «Наедине с тобою, брат, / Хотел бы я побыть: / На свете мало, говорят, / Мне остается жить!» В этом стихотворении ярко проявляется гуманизм поэта и его способность выйти за пределы собственной трагической судьбы, философски воспринять приближение неумолимой смерти как общей участи.

Эволюцию претерпел мотив смерти и в творчестве Есенина. В стихах и поэмах, созданных в 1924–1925 годы, он стремится по-новому осмыслить приближение неумолимой смерти. Так, например, в маленькой поэме «На Кавказе» (1924) Есенин вспоминает своих великих предшественников, в творчестве которых Кавказ сыграл особую роль. После Пушкина он обращается к образу Лермонтова, рисуя его с помощью характерных деталей, которые подчеркивают своеобразный характер поэта:

За грусть и желчь в своем лице
Кипенья желтых рек достоин,
Он, как поэт и офицер,
Был пулей друга успокоен.

Есенин связывает кавказскую тему в судьбе Лермонтова с темой смерти и мотивом провиденциального ее предсказания: «А ныне я в твою безгладь / Пришел, не ведая причины: / Родной ли прах здесь обрыдать / Иль подсмотреть свой час кончины!» На самом деле, незадолго до своей гибели Лермонтов и Есенин создают пророческие произведения, в которых мотив предвидения смерти тесным образом связан с мотивом «мертвого» сна – предсказания. Лермонтовское стихотворение «Сон» (1841) развивает тему ранней смерти лирического героя, которая была намечена в юношеских опытах поэта. Но теперь на смену условно-романтическим образам приходит реалистически изображенный кавказский пейзаж. Хронотоп стихотворения четко выверен автором, который предсказывает собственную смерть, видя ее в своем воображении именно там, где шли самые ожесточенные сражения с горцами:

В полдневный жар в долине Дагестана
С свинцом в груди лежал недвижим я;
Глубокая еще дымилась рана,
По капле кровь точилась моя.

На дар предвидения, который особенно ярко проявился в этом произведении, обратил внимание философ Владимир Соловьев, отмечая способность поэта «переступать в чувствах и созерцаниях через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений... Лермонтов не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел ее заранее». Мотив сна о собственной смерти, связанный с напряженными поисками разгадки вечной тайны бытия, находит отражение и в маленькой поэме Есенина «Метель». Предсказание смерти во сне – взгляд на себя со стороны – мертвого – все это напоминает лермонтовское стихотворение «Сон». По роковому стечению обстоятельств поэма «Метель» была создана поэтом в декабре 1924 год, за год до ухода из жизни: «Себя усопшего / В гробу я вижу. / Под аллилуйные / Стенания дьячка / Я веки мертвому себе / Спускаю ниже, / Кладя на них / Два медных пяточка».

Сравнивая два стихотворения, нельзя не согласиться с тем, что их авторы, изображая смерть лирических героев, осознавали и близость своего ухода в мир иной. При этом Есенин не исключал и того, что его противостояние с властью может привести к тому, что этот уход может стать не добровольным, а насильственным. И следующие строки подтверждают это в контексте рассмотренного выше конфликта «Поэт – Власть»: «И первого / Меня повесить нужно, / Скрестив мне руки за спиной, / За то, что песней / Хриплой и недужной / Мешал я спать / Стране родной».

Особое значение приобретал мотив предсказания скорой смерти в маленькой поэме Есенина «Письмо к сестре» (1925). Время ее создания связано с есенинским увлечением пушкинской поэзией. Поэтому Есенин противопоставляет два отношения к жизни и смерти, связывая их с особенностями мировосприятия двух своих любимых поэтов. Неслучайно в автобиографии, датированной 20 июня 1924 года, он подчеркивал: «Из поэтов мне больше всего нравился Лермонтов и Кольцов. Позднее я перешел к Пушкину». Лермонтов и Пушкин оказывали самое сильное влияние на есенинское творчество в разные периоды

жизни. Именно поэтому Есенин обращается к сестре с таким утверждением: «Ты Сашу знаешь. / Саша был хороший. / И Лермонтов / Был Саше по плечу... / Мне жаль тебя. / Останешься одна, / А я готов дойти / Хоть до дуэли. / «Блажен, кто не допил до дна» / И не дослушал глас свирели». Свой близкий уход из жизни Есенин воспринимает философски. Об этом свидетельствует его лирика 1924–1925 годов. В стихотворении «Гори, звезда моя, не падай...» (1925) поэт пророчески предсказывает свою скорую смерть:

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Осознание близкого ухода из жизни делает лирического героя Есенина более гуманным по отношению и к людям, и к «братьям нашим меньшим». Любовь ко всему живому на земле находит самое яркое выражение в стихотворении «Мы теперь уходим понемногу» (1924):

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь да благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать...

При всем сходстве художественного воплощения мотива предсказания своей смерти у Есенина и Лермонтова есть и существенные различия, которые явно проявляются, если сравнить есенинскую элегию со стихотворением «Выхожу один я на дорогу...» (1841):

Выхожу один я на дорогу.
Сквозь туман кремнистый путь блестит.
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу.
И звезда с звездою говорит.

Можно предположить, что ярко выраженная «лермонтовская» интонация придает стихотворению Есенина особый полемический подтекст, который отражает особенности мировосприятия двух поэтов. Так, например, лермонтовскому «я», подчеркивающему особый трагизм одиночества лирического героя романтического склада, противопоставляется есенинское «мы». Космизму символических образов Лермонтова и его взгляду с неба на землю: «В небесах торжественно и чудно. / Спит земля в сиянье голубом» Есенин подчеркнуто противопоставляет свое «земное» отношение к жизни и смерти, которая отнимает радость человеческого бытия, неотделимого от мира природы. Так рождаются образы, в которых художественно воплотилась есенинская философия, отразившая антиномию жизни и смерти: «Милые березовые чаши! / Ты, земля! И вы, равнин пески! / Перед этим сонмом уходящих / Я не в силах скрыть моей тоски».

Для лирических героев Лермонтова и Есенина осознание близкой смерти связано с ощущением своеобразного духовного кризиса, о котором напоминают особые тягостные чувства и размышления. Пророческая «тоска» сближает двух поэтов. Сравним лермонтовское «Что же мне больно и так трудно? / Жду ль чего? Жалею ли о чем?» с есенинским

«Знаю я, что не цветут там чащи, / Не звенит лебяжьей шеей рожь. / Оттого пред сонмом уходящих / Я всегда испытывая дрожь». Поэты здесь явно на одной поэтической волне. Есенин в данном случае не называет чувства лирического героя, но они понятны читателям. Разочарованию в прошедшей жизни, о которой не жалеет романтический герой Лермонтова («Уж не жду от жизни ничего я, / И не жаль мне прошлого ничуть») Есенин противопоставляет свое понимание «земного» счастья со всеми его радостями: «Много дум я в тишине продумал, / Много песен про себя сложил, / И на этой на земле угрюмой / Счастлив тем что я дышал и жил. / Счастлив тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве, / И зверье, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове». Лирический герой Лермонтова в духе романтической поэзии, с ее характерным двоемирием, построенном на резком контрасте реальности и мечты, заявляет: «Я ищу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и заснуть! / Но не тем холодным сном могилы... / Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали жизни силы, / Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь». Состояние лирического героя у Лермонтова – нечто среднее между жизнью и смертью. Это момент экстатического прозрения поэта-пророка, который чувствует себя частью Вселенной и способен услышать, как «звезда с звездой говорит». Лирический герой Есенина – плоть от плоти земной, и поэтому, как поэт с крестьянским мироощущением, он противопоставляет разговору звезд звон колосьев созревшей ржи («Знаю я, что не цветут там чащи, / Не звенит лебяжьей шеей рожь... / Знаю я, что в той стране не будет / Этих нив, златящихся во мгле»).

Символично то, что символом вечной жизни в творчестве Лермонтова и Есенина выступает мифологический образ древа жизни. Лермонтовский дуб и есенинский клен из стихотворения «Клён ты мой опавший...» (1925) – это образы, воплотившие победу жизни над смертью. Поэтому лирический герой Лермонтова высказывает такое последнее свое желание:

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
О любви мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел.

Есенин подхватывает этот мотив преодоления смерти вечной жизнью: «Сам себе казался я таким же кленом, / Только не опавшим, а всю зеленым». В стихотворении «Завещание» (1831) Лермонтов так представил свое погребение: «Могиле той не откажи / Ни в чем, следуя закону; / Поставь над нею крест из клену / И дикий камень положи». «Клен – явор – в этимологических преданиях западных и восточных славян дерево, в которое превращен “заклят” человек... Превращение человека в явор – один из популярнейших мотивов славянских баллад». Образы «крест из клену» и клен «опавший» – ещё одно доказательство духовной близости Лермонтова и Есенина, ведь их поэтическое мироощущение формировалось под влиянием мифологии славян и русского фольклора.

Предчувствие смерти у Есенина тесным образом переплетается с мотивом разочарования в жизни. В связи с этим можно высказать предположение о том, что строки из лермонтовского стихотворения «И скучно, и грустно» (1840) с его саркастическим скепсисом («И

жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг, — / Такая пустая и глупая шутка...») получили своеобразную интерпретацию в горьком афоризме последних есенинских строк, написанных кровью:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что в лирике Лермонтова и Есенина мотив предчувствия близкой смерти является одним из самых значимых и важных, что во многом обусловлено их ярко выраженным экзистенциальным мироощущением. Начиная с раннего творчества, поэты обостренно осознают роковую неотвратимость своей смерти в молодом возрасте. Лирические герои Лермонтова и Есенина воспринимают жизнь в трагическом свете, что в немалой степени парадоксальным образом определяет их поразительное жизнелюбие, которое объясняется мощным напором страстных натур гениальных поэтов. Именно поэтому в стихотворении «Пой же, пой! На проклятой гитаре...» (1922) Есенин утверждает: «Не умру, я мой друг, никогда!» Таким образом, в лермонтовской и есенинской лирике полный трагической обреченности мотив предсказания своей смерти преодолевается всепобеждающим чувством любви к жизни. Именно поэтому и Лермонтова, и Есенина можно назвать поэтами, в творчестве которых нашла яркое отражение антиномия жизни и смерти. Поэтому смерти двух поэтов, предсказание которых стало «сквозными» мотивами их творчества, и стали «последним творческим актом».